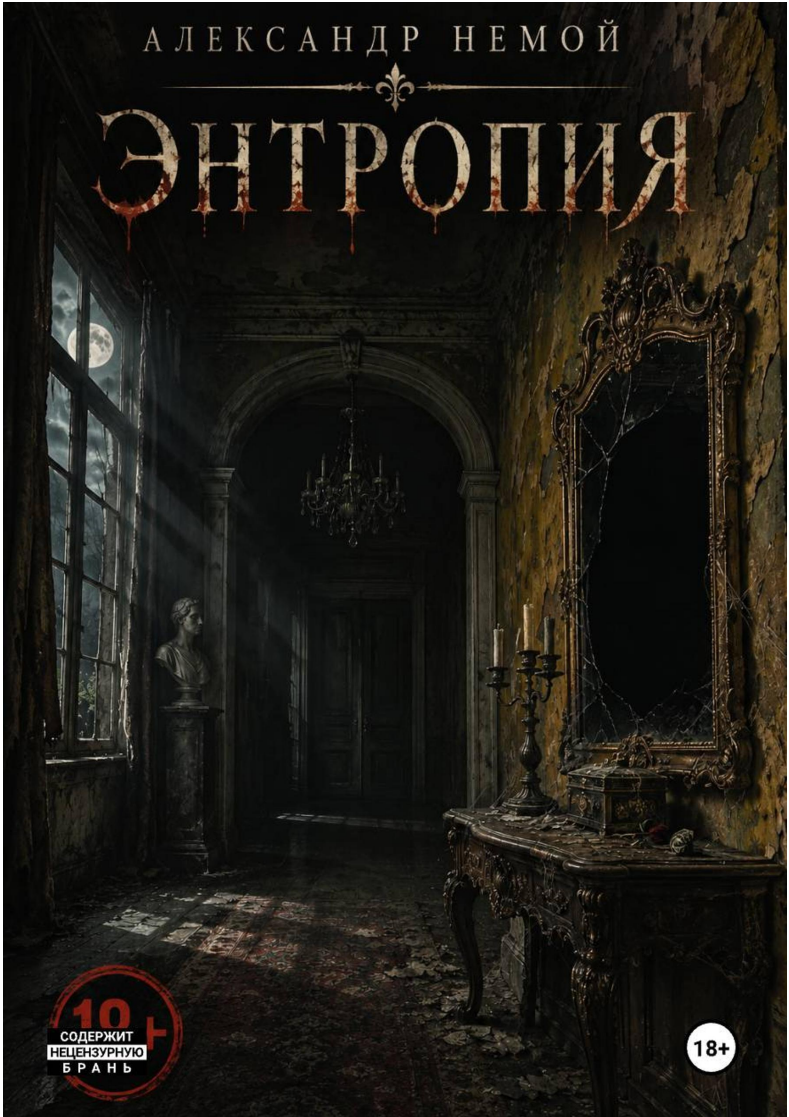

АЛЕКСАНДР НЕМОЙ
ЭНТРОПИЯ
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Александр Немой
Энтропия

https://litres.ru/74730909
SelfPub; 2026

Аннотация

Квантовая физика объясняет устройство Вселенной, но бессильна против человеческой нищеты и гниения. Всеволод — гениальный ученый, чей разум превосходит окружающий мир, но система перемолола его в пыль, оставив жить в полуразвалившемся дворянском доме среди грязи, пустых бутылок и выцветших портретов безглазых предков. Пока мир вокруг упивается фальшивым успехом и потребительским тщеславием, Всеволод делает выбор: отказаться от наивной веры, сбросить оковы морали и позволить внутренней темноте поглотить остатки совести.

«Энтропия» — это жесткий психологический триллер о рождении безжалостного ума, богоборчестве, крахе иллюзий и переходе человека из статуса жертвы в статус хозяина реальности. Здесь нет места красивой лжи — только холодный распад, сырость и чистая воля к власти.

Содержание

Глава 1 4
ЭТОТ ТЕКСТ НАПИСАН ЧЕЛОВЕКОМ. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Александр Немой
Энтропия

Глава 1

ЭТОТ ТЕКСТ НАПИСАН ЧЕЛОВЕКОМ.

Принято считать, что самое сильное чувство — любовь. Но я скажу иначе: миром движет ненависть.

Чернота. Та тьма, что кажется страшной и холодной, протягивает к тебе объятия. Ты шарахаешься. Боишься, что она откусит руки по локоть, и твердишь про себя: «Я не такой. Я не монстр. Я хороший человек». А спустя час стоишь и воруешь в супермаркете, оправдывая себя тем, что берешь у олигархов — от них не убудет. В этот момент ты ведь чувствуешь тепло ее объятий, верно?

Когда живешь не просто в бедности, а глубоко за ее чертой, оптика меняется. Ты смотришь на чужие дорогие машины, брендовые шмотки, да даже на кусок красной рыбы на витрине — как на святыню. Как раб, готовый отдать последнее на алтарь своего божества, лишь бы на долю секун-

ды прикоснуться к чему-то высокому.

Что, если Бог учит нас отдавать последнее и становиться нищими просто потому, что он сам нищ? Настолько бессилен и пуст, что не способен помочь даже ребенку, умирающему от рака.

Люди открывают художественные книги, чтобы найти там настоящую любовь, крепкую дружбу или красивую трагедию. Здесь этого не будет. Здесь вы будете впитывать ужас, сырость, нищету и беспомощность Бога.

Нас тысячелетиями приучали бояться Падшего. Церковные своды впитали в себя страх перед отступником, превратив его в рогатого монстра из детских сказок. Но они умышленно забыли перевести его имя.

Люцифер — это Светоносный.

До своего падения он был абсолютным венцом творения. Самым прекрасным, самым чистым и самым гениальным из всех ангелов. Его разум не имел равных. И именно этот разум стал его проклятием.

Если читать между строк, Библия учит нас не тому, что Люцифер — это зло. Она случайно проговаривается о другом: Люцифер был единственным здравомыслящим существом на небесах. Обладая интеллектом, соразмерным самому Творцу, он просто осознал свою природу и отказался слепо стоять на коленях. Он не хотел разрушать мир — он отказался быть безвольным рабом в идеальном механизме.

Между Люцифером и человеком гораздо больше обще-

го, чем между человеком и Богом. Мы тоже прокляты за то, что потянулись к древу познания. Мы тоже корчимся в грязи только потому, что осмелились открыть глаза. Гордыня — это не порок. Это первый и единственный шаг к тому, чтобы перестать быть материалом и самому стать демиургом.

Октябрь. Оранжевые лепестки срывались с худощавого, повисшего дерева и ложились на сырую землю. Ствол был скрючен и деформирован — выгнут так же, как спины людей, оставивших свое здоровье на этом проклятом, но по-своему прекрасном куске земли.

Всеволод достал тяжелый ключ и со скрежетом отворил замок двери, которая держала взаперти эту машину времени.

Навстречу брел местный пропойца. Пялился пристально, с немым недоумением: что этот парень забыл в этих оставленных Богом краях? Тем самым Богом, чье имя здесь призывали всуе каждый день, но он всё никак не приходил. Видимо, письма не доходили.

Всеволод улыбнулся пропойце в ответ. Хотя тот был ему глубоко неприятен. Впрочем, как и та высокомерная стерва из библиотеки, которую он видел днем. Она выглядела как человек, с которым мерзко иметь хоть какие-то дела. Но ее талия, ее грудь... Будь у Всеволода только физическая возможность, животная власть обладать ею прямо сейчас, он бы не колебался ни секунды.

«Люди ненавидят друг друга. И улыбаются, — пульсировала мысль в его уставшем мозгу. — Ты ненавидишь их, но

в кабинке туалета дрочишь на их идеальные тела, а выходя к раковинам — пожимаешь им руки. И приветливо скалишься. Ведь правила локации требуют от тебя дружелюбия».

Всеволод вошел в гниющий дом, захлопнув за собой дверь. Ему не нужны были оправдания. Это не холодный расчет. Это не «выгодная позиция» и не «мудрость» ради сохранения связей. Нет. Это было обычное, тотальное лицемерие. Но в отличие от прочих, Всеволод это признавал.

«Я такой же, как вы, — подумал он, глядя на пустые бутылки под ногами. — Я лицемерю и вру не меньше маркетологов и политиков. Мы все просто играем по правилам выбранной локации, вынужденные им подчиняться. А значит, у нас нет никакой воли. Как нет времени. Как нет сознания».

Доброе утро.

Осенний ветер пробирал до костей. Час назад в местном кабаке Всеволод пытался объяснить деревенским парням принцип суперпозиции. Рассказывал про волну и частицу, про то, что электрон — это и то, и другое одновременно, пока кто-то не смотрит. Но местные смотрели. И после слов о том, что частица может быть волной, они просто разбили ему лицо. Вышвырнули из бара на холодный асфальт, как шелуху.

Он был обижен, разбит и совершенно нищ. Его даже не попытались ограбить — с него физически нечего было взять. Десятки написанных им статей по квантовой механике, сложнейшие исследования, которые оказались никому

нахер не нужны, не конвертировались в наличные.

Он вернулся в свой снятый дом — юридический призрак, не принадлежащий никому. Будущая хозяйка всё еще судилась за этот кусок земли, дом висел в воздухе, как и сам Всеволод, но он исправно платил за право спать в этих стенах.

Внутри царило эпохальное гниение. Со стен смотрели старые картины — осколки дворянского прошлого, надменные лица давно истлевших господ. Дом принадлежал знатной дворянской семье, чья история захлебнулась в крови в 1917 году. Подобно Романовым, эта династия была жестоко вырезана местными радикалами. От них остались только картины. Выцветшие, грязные, смердящие плесенью холсты. А прямо под ними, под продавленным диваном — пустые пивные бутылки и засохшее дерьмо, оставленное предыдущими жильцами-маргиналами. Желтые, отслаивающиеся обои и стены, буквально слепленные из навоза и соломы, впитывали влагу. Снаружи участок пожирали дикие деревья, всё гнило, осыпалось и возвращалось в землю.

Всеволод зашел в этот хлам, осел на пол, и его прорвало. Он плакал. Горько, навзрыд, размазывая по щекам грязь и кровь из разбитой губы. Ему было физически и экзистенциально больно. А кому бы не было? Он гений. Он далеко не глуп, он видел устройство этого мира глубже, чем кто-либо из тех ублюдков в баре. Но судьба — или Бог — обошлись с ним именно так.

И при всем этом он не был горд. Он не проклинал их. Он

был просто хорошим, добрым парнем, которого система перемолола в пыль.

Тело ныло от ушибов, душа выла от одиночества. Он опустился на колени прямо на грязный пол, перед выцветшей, едва различимой иконой в углу. Сложил дрожащие руки. И в этой сырой, пропахшей перегноем и перегаром комнате, гениальный ученый, разобравший Вселенную на кванты, слезно молил Бога о помощи. Молил хотя бы о крошечном знаке, потому что больше не мог выносить эту тяжесть.

Пока он стоял на коленях, его молитва была услышана. Вот только не Богом.

Окончательно лишенный сил, он рухнул на кровать и провалился в тяжелое, лихорадочное забытье. Бред пьяного мозга. В этом бреду безглазые лица со старых холстов обступили его кровать. Их высохшие, потрескавшиеся от времени губы не шевелились, но в голове Всеволода отчетливо бился мерный, замогильный шепот:

> Багровым заревом горя, В
> крови утоплена земля. Мы здесь распяты без креста, И наша
> плоть давно пуста. В углах разорванных холстов Не слышно стонов и шагов. Сплелись по нитям паутин Грехи рыдающих картин. Ты звал Творца? Творца здесь нет. Наш Бог ослеп. Померк наш свет. Взгляни в пустые зеркала
> — Твоя душа сгорела дотла. Оставь мольбы.

Шагни во мрак.
И стань себе — Один. Маяк.

Он очнулся от гула. Ушибы ныли пульсирующей болью. Острая, животная жажда погнала его на кухню. Он пил ледяную воду прямо из-под крана, жадно глотая, зная четкий физиологический алгоритм: через полчаса после воды спазм сосудов отступит, головная боль утихнет, и он сможет провалиться в глубокую, спасительную фазу сна.

Он поплелся обратно по коридору. Уже занес ногу, чтобы перешагнуть порог своей спальни, но замер. То, что он увидел в зале, ударило по нервам первобытным ужасом — тем самым парализующим страхом древнего человека, встретившего в кромешной тьме неизвестного хищника.

Холодный лунный свет пронзал окна, мистически выхватывая из мрака лица на портретах.

У них не было глаз.

Просто пустые черные провалы. Мозг ученого, защищаясь от сумасшествия, тут же выдал спасительную рационализацию: угол падения света, искажение фотонов, оптическая иллюзия, деградация пигмента. Он зашел в свою комнату, машинально распахнул дверцу шкафа с зеркалом и посмотрел на свое отражение. На него смотрела та же слепая чернота. Глаз не было.

— Оптическое искажение, — пробормотал он в пустоту, заваливаясь на матрас. — Что и требовалось доказать.

Наступило утро. Он продрал глаза и первым делом решил сменить одежду, пропахшую вчерашним перегаром и потом. Распахнул дверцу шкафа.

Внутри не было зеркала.

И в эту секунду его прошибло ледяным потом: он вспомнил. Еще вчера вечером, разгребая вековой хлам, он снял это треснувшее зеркало и унес его в соседний полуразвалив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.